

1

Контроль багажа — здесь и пришлось им проститься. Но в этом маленьком аэропорту все стойки и службы находились в одном зале, и он мог издали смотреть на нее, когда она поставила сумку на ленту транспортера, когда прошла через рамку металлоискателя, предъявила билет и направилась к самолету. Самолет стоял на летном поле, сразу за стеклянными дверями.

Она то и дело оборачивалась и махала ему. На трапе оглянулась последний раз, засмеялась и тут же заплакала, прижала руку к сердцу. Она уже скрылась в самолете, а он все махал и махал, глядя на маленькие иллюминаторы, но видит ли она его — не знал. Взревели моторы, завертелись винты, самолет покатил по дорожке, разбежался, набрал скорость и взмыл в небо.

А до его рейса еще целый час. Он взял себе кофе и газету, где-то сел. С тех пор как они познакомились, он не заглядывал в газеты и не сидел один в кафе. Через четверть часа, не прочитав ни строчки и не отпив ни глотка, он подумал: «А я отвык от одиночества». Мысль была приятная.

2

Он прилетел сюда тринадцать дней назад. Туристский сезон как раз закончился, а заодно и солнечные дни. Лил дождь, и весь первый день он просидел с книгой на крытой веранде пансиона, но на второй день, махнув рукой на дурную погоду, под проливным дождем отправился гулять вдоль берега, в сторону маяка. Вот тогда он и встретил ее: первый раз — когда шел к маяку, второй — на обратном пути. Они взглянули друг на друга с улыбкой, в первый раз с улыбкой любопытства, во второй — уже как чуточку знакомые. Вокруг ни души, похоже, только они двое и вышли прогуляться под дождем, он и она — товарищи по несчастью, а может, и наоборот, они разделяли общую радость — оба, конечно, предпочли бы гулять под безоблачным синим

небом, однако были довольны и прогулкой под мелким дождиком.

Вечером он увидел ее в здешнем рыбном ресторане, она сидела одна, на большой террасе, сносно оборудованной для осенних дождей. На столике перед ней стоял полный бокал, а сама она читала книгу — знакли это, что она еще не ужинала и не ждет прихода мужа или приятеля? Он нерешительно топтался в дверях. И тут она подняла голову от книги и дружески ему улыбнулась. Тогда, собравшись с духом, он подошел и спросил, нельзя ли составить ей компанию.

— Конечно. — Она отложила книгу.

Она уже заказала себе ужин и охотно помогла ему с выбором блюда из здешнего меню. Он взял то же, что она, — треску. А потом они замолчали, не зная, о чем говорить. От книги никакой пользы — со своего места ему было не прочесть название. Наконец он сказал:

— По-моему, что-то в этом есть. В таком вот отдыхе на Кейпе после окончания сезона.

— Потому что погода радует? — Она засмеялась.

Она смеется над ним? Он поднял взгляд. Миловидным ее лицо не назовешь: глаза маленькие, подбородок явно тяжеловат, но выражение было не насмешливое, а просто веселое и, пожалуй, чуточку неуверенное.

— Потому что весь пляж в твоём распоряжении. Потому что можешь занять столик в таком ресторане, куда в разгар сезона вообще не попадешь. Потому что, когда людей вокруг мало, тебе не так одиноко, как в толпе.

— Вы всегда приезжаете сюда в межсезонье?

— Я здесь впервые. Вообще-то, мне сейчас не полагалось бы отдыхать. Но видите ли, мизинец еще не восстановился, а здесь я могу зарабатывать его с таким же успехом, как в Нью-Йорке.

Он несколько раз согнул и разогнул мизинец левой руки, покрутил им туда-сюда.

Она удивилась:

— А для чего его надо зарабатывать?

— Для игры на флейте. Я играю в оркестре. А вы?

— Училась когда-то на пианино. Но играю редко. — Она покраснела.

— Да вы же не об этом! В детстве я часто бывала здесь с родителями, вот и теперь иногда тянет приехать, но только не в сезон. Вы прекрасно

объяснили, чем так хорош Кейп в межсезонье. Всюду пустынно, спокойно — мне нравится!

Он не сказал, что отдыхать здесь в разгар туристского сезона ему просто не по карману, и подумал: должно быть, и ей этого не позволяют средства. На ней были джинсы, джемпер, на ногах кроссовки, рядом висела на стуле выцветшая ветровка. Когда они выбирали вино, она предложила взять дешевое белое — совиньон. Потом она рассказала о своей работе в Лос-Анджелесе, в каком-то фонде, устраивающем театральные спектакли, в которых играют дети из гетто, еще — о жизни на побережье, где не бывает зимы, о могучей силе Тихого океана, о движении на дорогах. А он рассказал, как грохнулся недавно, зацепившись за протянутый где не надо кабель, и сломал мизинец, рассказал и о давнем переломе руки — это с ним случилось в девять лет, когда он выпрыгнул из окна, — и еще о переломе ноги, дело было на лыжной прогулке, тогда ему уже исполнилось тринадцать. Сначала они сидели на террасе одни, через некоторое время появились другие посетители, потом, заказав вторую бутылку, они опять остались одни. За окнами — они изредка поглядывали туда — все тонуло в непроглядном мраке: и берег, и море. По пластиковой крыше шуршал дождь.

— Какие у вас планы на завтра?

— В пансионе, я знаю, вам подадут завтрак. Но почему бы вам не позавтракать у меня?

Он проводил ее до дому. Под зонтиком она взяла его под руку. Они не разговаривали. Домик ее, маленький, стоял на той самой улице, на которой, какой-нибудь милей дальше, находился его пансион. Над дверью сам собой зажегся свет, и они внезапно увидели друг друга чересчур отчетливо. Она быстро обняла его и легонько поцеловала. Прежде чем она закрыла за собой дверь, он успел сказать:

— Меня зовут Ричард. А как...

— Сьюзен. Меня — Сьюзен.

3

Ричард проснулся рано. Немного полежал, заложив руки за голову,

прислушиваясь к шуму дождя, шуршавшего в листве и по гравию дорожки. Ему нравился этот размеренный, успокаивающий звук, хотя и не предвещал он солнечного дня. Пойдут ли они со Сьюзен после завтрака гулять по берегу? Или — в лес и на озеро? Или будут кататься на велосипеде? Автомобиля он в аренду не взял, вряд ли взяла и она. Так что дальность их прогулок будет ограниченной.

Он принялся сгибать и разгибать мизинец, чтобы потом, в течение дня, меньше заниматься упражнениями. Ему было немного боязно. Если они со Сьюзен после завтрака и правда проведут весь день вместе, будут вместе обедать, а может быть, сначала вместе и приготовят обед, то что потом? Должен ли он лечь с ней в постель? Доказать этим, что она женщина, вызывающая желание, а он мужчина, которого от желания прямо-таки распирает? Ведь если ничего такого не случится, она, пожалуй, обидится? А он оскандалится? Уже несколько лет он не был близок ни с одной женщиной. Куда уж ему до молодцов, в которых желание бьет ключом, и, кстати, вчера, приглядевшись к Сьюзен, он не нашел, что она из тех женщин, что вызывают безумную страсть. Она много чего рассказывала, что-то спрашивала и внимательно слушала, была оживленной и остроумной. Прежде чем что-нибудь сказать, она медлила, совсем чуть-чуть, а когда на чем-нибудь сосредоточивалась, то закрывала глаза, и в этом был некий шарм. Она пробудила в нем любопытство? Ну да. Но желание?..

В гостиной пансиона его ждал на столе завтрак. Не хотелось огорчать хозяев — пожилую супружескую пару, — они же ради него старались: выжимали апельсиновый сок, взбивали яйца для омлета, да еще напекли блинчиков. Он сел завтракать. Каждую минуту хозяйка навевывалась посмотреть, не надо ли еще кофе, не принести ли еще масла, не подать ли другого повидла, или фруктов, или йогурта. Наконец он догадался, что ей просто хочется поболтать, и спросил, давно ли она здесь живет. Хозяйка разговорилась. Сорок лет назад муж унаследовал небольшое состояние. Они купили дом на Кейпе. Думали, муж будет писать, а она заниматься живописью. Да только ни с литературой, ни с живописью дело не заладилось, а к тому времени, когда дети выросли, от наследства мало что осталось, ну они и завели пансион.

— Если понадобится что-то узнать о Кейпе — где тут самые красивые места и где самая лучшая кухня, — спрашивайте у меня. А если сегодня

гулять надумали, так я вам скажу: берег — он и в дождливую погоду хорош, не то что лес, мокресть в лесу и ничего больше.

На опушке повис туман. Он окутал не только деревья, но и дома в стороне от шоссе. Маленький домик, где жила Сьюзен, оказался флигельком привратника — рядом начиналась подъездная дорога, которая вела к большому дому, почти скрытому в тумане, таинственному. Не обнаружив звонка, он постучал.

— Иду! — крикнула она; голос определенно донесся издалека.

Он услышал быстрые шаги на лестнице, стук двери и вновь — торопливые шаги, похоже в коридоре. И вот она перед ним, запыхавшаяся, с бутылкой шампанского в руках:

— В подвале была.

Шампанское? Он опять оробел. И сразу представилось: вот Сьюзен и он сам сидят на диване, с бокалами шампанского, перед пылающим камином. Она придвигается ближе... И что тогда?..

— Ну что же ты стоишь и смотришь? Входи!

В просторной комнате рядом с кухней и в самом деле был камин, тут же несколько поленьев, а перед камином — диван. Сьюзен накрыла на стол в кухне, и опять он пил апельсиновый сок, ел яичницу и фруктовый салат с орехами.

— Невероятно вкусно! Но теперь мне надо на воздух — побегать, прокатиться на велосипеде или поплавать.

Она с сомнением покачала головой, взглянув в окно: лил дождь; Ричард рассказал, что умял сегодня два завтрака.

— Ты не хотел огорчать Джона и Линду? О, да ты просто золото! — Она поглядела на него весело и восхищенно. — А почему бы и правда не пойти искупаться? У тебя нет плавок? Ты... — Она как будто заколебалась, но все же решила и проворно сложила в большую сумку полотенца, сунула туда же зонтик, бутылку шампанского и стаканы. — Можно пройти по участку, там и вид красивей, и доберемся скорей.

4

Они подошли к большому дому; с высокими колоннами, с закрытыми ставнями, он и вблизи оставался таинственным. Поднявшись по

широким ступеням на террасу, они немного постояли под колоннами, затем, обойдя вокруг дома, поднялись по лестнице и очутились на крытой веранде, откуда можно было подняться еще выше, на следующий этаж. С веранды открывалась туманная даль: дюны, берег и — еще дальше — серое море.

— Оно такое спокойное... — сказала она, понизив голос до шепота.

Неужели она отсюда видит? С такого большого расстояния? Или она догадалась по тишине? Дождь уже не шумел.

— А где же чайки? — В этой глубокой тишине он невольно тоже заговорил шепотом.

— Дальше, в открытом море. Когда дождь перестает, из земли вылезают черви, а на поверхность моря поднимаются рыбы.

— Не может быть!

Она засмеялась:

— Мы же решили поплавать!

И она вдруг пустилась бегом, очень быстро и очень уверенно находя дорогу, — конечно, она же знала, куда бежать, — он сразу отстал, да ведь и громоздкая сумка ужасно оттягивала руку.

В дюнах он потерял ее из виду, а в ту минуту, когда он тоже наконец добрался до пляжа, она, чуть ли не на бегу стащив носки, бросилась к воде. А когда он тоже наконец подошел к воде, она плыла уже далеко от берега.

Море и правда было совсем спокойным, и холодным оно казалось, лишь пока он не поплыл. Он плыл, и море все нежней ласкало его тело. Заплыв подальше, он перевернулся на спину и лежал, покачиваясь на чуть заметных волнах. Впереди, совсем далеко от берега, плыла Сьюзен, резко взмахивая руками. Снова начал накрапывать дождь — и так приятно было ощущать на лице капли влаги...

Но дождь усилился — Сьюзен скрылась из виду. Он позвал ее. Не получив ответа, поплыл в ту сторону, где вроде бы еще недавно ее видел, и опять позвал. Когда берег почти скрылся в тумане, он повернул назад. Пловец он был никудышный: сил тратил много, а вперед едва продвигался, из-за этой медлительности движения тревога его, непрестанно возраставшая, превратилась в панический страх. Долго ли Сьюзен сможет продержаться на воде? Сунул ли он в карман мобильник, когда выходил из дому? Да неизвестно же, может, этот

берег вне зоны действия сети?! Где тут ближайший жилой дом? Он совсем скис — сил не стало — и поплыл еще медленнее, с каждой минутой все больше мучась от страха.

А потом он увидел: Сьюзен выходила из моря — у кромки берега поднялась и застыла бледная фигура. От злости сил сразу прибавилось. Да как она смеет! Это совершенно невозможно — какого страха ему пришлось из-за нее натерпеться! Она помахала рукой, но он и не подумал махнуть в ответ.

Вне себя от ярости, он наконец подошел к ней, а она улыбнулась:

— Что-то не так?

— Не так?! Я чуть не спятил от страха, я же потерял тебя из виду. Почему ты не подплыла ко мне, когда повернула к берегу?

— Я тебя не видела.

— Не видела? Не видела?!

— Я довольно близорука... — Она покраснела.

Злость, ярость — внезапно он осознал их нелепость и опомнился. Они стояли друг против друга, голые и мокрые, у обоих бежали по щекам капли дождя, оба покрылись гусиной кожей, тряслись от холода и старались согреться, обхватив себя руками за плечи. Ее взгляд был недоумевающим и растерянным, и не было в этом взгляде — теперь-то он понял — никакой неуверенности — обычный взгляд близорукого человека... Он вдруг заметил голубоватые жилки, просвечивавшие под тонкой белой кожей Сьюзен, и рыжие волосы на лобке, притом что она светлая блондинка, заметил плоский живот и узкие бедра, сильные руки и ноги. И тут же застеснялся своего собственного голого тела и втянул живот.

— Извини, пожалуйста, я тебе нагрубил.

— Понимаю, все понимаю. Ты испугался. — И она опять улыбнулась, глядя ему в глаза.

Он все еще не мог избавиться от смущения. Однако взял себя в руки и, кивнув в ту сторону, где лежали их вещи, крикнул:

— А ну, бегом! — и первым бросился туда.

Она запросто могла бы его обогнать и в этой гонке — бегала она гораздо быстрее, — но она держалась рядом с ним. А ему вспомнилось, как весело бывало в детстве бежать вместе с сестрами или другими ребятами к какой-нибудь общей цели.

Когда он бежал рядом со Сьюзен, то заметил, что у нее маленькая грудь, — пока стояли у воды, она закрывала грудь руками.

5

Одежда намочила — хоть выжимай. Но полотенца в сумке остались сухими, Сьюзен и Ричард завернулись в них и, усевшись под раскрытым зонтиком, пили шампанское.

Она прислонилась к его плечу:

— Расскажи о себе. Расскажи с самого начала. О матери и отце, о братьях и сестрах — все-все до этой минуты. Ты родился в Америке?

— Нет, в Берлине. Мои родители давали уроки музыки, отец — на фортепиано, мама учила игре на скрипке и альте. Из нас, четверых детей, только мне предоставили возможность поступить в консерваторию, хотя все три мои сестры занимались гораздо лучше меня. Но таково было решение отца. Ему не давал покоя страх, что я могу стать неудачником, каким был он сам. Так и получилось, что я за отца окончил консерваторию, потом за него стал второй флейтой в Нью-Йоркском филармоническом оркестре, ну а в один прекрасный день, опять же за него, стану первой флейтой в каком-нибудь другом хорошем оркестре.

— Они живы, твои родители?

— Отец умер семь лет назад, а мама в прошлом году.

Она о чем-то задумалась, затем спросила:

— Если бы ты не стал за отца флейтистом, а мог выбирать профессию и стать тем, кем хочешь, — что бы ты выбрал?

— Не смейся надо мной. Когда родители умерли — отец, потом и мать, — я подумал: ну вот, теперь ты свободен, можешь заниматься чем хочешь. Но родители никуда не делись из моих мыслей и по-прежнему дают мне наставления. Ах, мне бы уйти из оркестра, скажем, на год, в общем, уволиться, бросить флейту и заняться чем-то другим: плавать, бегать, размышлять о жизни, может быть, написать о том, как мы жили дома — я, родители и сестры. Прожив так хотя бы год, я понял бы, чего хочу от жизни. И может быть, я опять выбрал бы флейту.

— А я в детстве иногда думала: ну почему никто не дает мне

наставлений! Мои родители попали в дорожную аварию. Они погибли, когда мне было двенадцать лет. А тетка, взявшая меня к себе, не любила детей. Да вообще-то, я не знаю, любил ли меня отец. Иногда он говорил, что ждет не дождется, когда я вырасту большая, — а то он-де вообще не знает, что со мной делать. Не очень-то приятно было это выслушивать.

— Сочувствую. А какой была твоя мама?

— О, красивая! Она хотела, чтобы и я выросла такой же красивой, как она. Платья у меня были элегантные, как у нее, и в те минуты, когда мама помогала мне одеваться, она была чудесная — ласковая, нежная. Она бы научила меня, как ставить на место бессовестных подружек и нахальных приятелей. А без мамы пришлось мне самой набираться ума.

Вот так они, укрывшись под зонтиком, перебирали свои воспоминания. «Словно заблудившиеся дети, которым ужасно хочется домой», — подумал он. Ему вспомнились любимые детские книги, в которых рассказывалось о том, как мальчик и девочка плутают по лесу, прячутся в хижинах и пещерах, а их хватают злые люди и угоняют в рабство, или похищают в Лондоне и заставляют просить милостыню, или приучают воровать, или из кантона Тичино их увозят в Милан и продают трубочисту. Вместе с теми детьми он когда-то горевал, потеряв родителей, жил надеждой разыскать родных и вернуться домой. Однако прелесть этих историй была в том, что дети, оставшись без родителей, не погибали. Когда они в конце концов возвращались домой, то были уже такие большие, что отлично могли обходиться без родителей. Ах, почему это так трудно — быть самостоятельным, жить только своим умом и ни на кого не надеяться? Он вздохнул.

— Что?

— Нет, ничего. — Он обнял ее за плечи.

— Нет, ты вздохнул.

— Подумал: мало я преуспел в жизни. Мог бы и большего добиться.

— Это и мне знакомо. — Она прижалась к его груди. — Но, по-моему, жизнь движется вперед рывками, а не постепенно. Долгое время ничего не меняется, и вдруг — какое-то хорошее известие, или неожиданная встреча, или ты принимаешь решение, и вот уже ты стал другим, не тем, каким был прежде.

— Не тем, каким был прежде? Знаешь, ходил я полгода назад на встречу одноклассников, и что же? Кто в школе был порядочным и

симпатичным человеком, тот таким и остался, а кто был паршивцем — остался паршивцем. Наверное, другие, глядя на меня, тоже что-то такое подумали. Но меня это тогда поразило. Ведь как странно: работаешь над собой и думаешь, ты изменяешься, развиваешься. А другие глянут и тотчас увидят, что ты тот же самый, каким был всегда.

— Пессимисты вы, европейцы! Вы, уроженцы Старого Света, никак не уразумеете, что мир изменяется, а вместе с ним изменяются и люди, для вас нет ничего нового.

— Давай пройдемся по берегу. Дождь почти перестал.

Закутавшись в полотенца, они побрели вдоль берега, у самой воды. Босиком было холодновато идти по мокрому песку, они сразу взбодрились.

— Знаешь, я не пессимист. Я всегда надеюсь, что моя жизнь станет лучше.

— Я тоже.

Потом дождь снова припустил, и они вернулись в дом Сьюзен. Оба озябли. Пока Ричард принимал душ, Сьюзен спустилась в подвал и включила отопление; пока Сьюзен принимала душ, Ричард развел огонь в камине. Он надел халат, принадлежавший отцу Сьюзен, — красный, теплый, из мягкой шерсти, на шелковой подкладке. Мокрую одежду они повесили сушиться, потом возились с самоваром: сняв его с каминной полки, разбирались, что и как надо сделать, чтобы приготовить чай. Потом устроились на диване, она — сидя по-турецки, в одном углу, он — в другом, поджав ноги под себя. Они молча пили чай и смотрели друг на друга.

— Скоро я уже смогу надеть свое.

— Оставайся. Ну что ты будешь делать в такой дождь? Сидеть сиднем в пансионе, один?

— Я...

Надо было сказать, что он не хочет навязываться, быть в тягость, нарушать ее планы. Но ведь это пустые отговорки. Он видел: ей с ним хорошо. Он видел это по ее глазам, слышал в звуке ее голоса. Он все улыбался — поначалу из вежливости, потом смущенно. Что, если вся эта ситуация пробуждает у Сьюзен ожидания, которых он не сможет оправдать? Но она вдруг, вытащив из стопки возле дивана какую-то книжку, принялась читать. Она так спокойно сидела в своем углу и

читала — всем довольная, с таким непринужденным и самодостаточным видом, — что и он, поглядев на нее, почувствовал, как постепенно успокаивается. Поискав, он выбрал себе книгу, показавшуюся занятной, однако не стал читать — сидел и смотрел на поглощенную чтением Сьюзен. Смотрел и смотрел, наконец она подняла голову и, встретив его взгляд, улыбнулась. Он ответил улыбкой, почувствовав, что окончательно успокоился, и принялся за свою книгу.

6

В пансион он вернулся около десяти, Линда и Джон смотрели телевизор. Он сказал им, что завтрак для него готовить не нужно, он позавтракает у молодой женщины, которая живет в домике по этой же улице, всего в миле отсюда, — они вчера вечером познакомились в ресторане.

— А разве она не в большом доме живет?

— Она уже давно там не живет, если приезжает одна.

— Ну здравствуйте! В прошлом-то году...

— В прошлом году она приехала одна, но у нее все время кто-нибудь гостил.

Ричард, слушая своих хозяев, понимал чем дальше — тем меньше.

— Вы говорите о Сьюзен... — И тут он сообразил, что не знает ее фамилии. Они назвали друг другу только свои имена.

— Сьюзен Хартмен.

— Разве тот большой дом с колоннами принадлежит ей?

— Большой дом купил ее дед еще в двадцатых годах. А после смерти обоих родителей управляющий довел дом до жуткого состояния, деньги от аренды прикарманивал, в содержание дома не вкладывал ни гроша. Но несколько лет назад Сьюзен его уволила и привела в порядок оба дома и сад.

— Да ведь это же безумных денег стоило, наверное?

— Ничего, она может это позволить себе. А мы тут все очень довольны, что она так распорядилась своим имением, потому что уже повылезли отовсюду кое-какие предприимчивые господа, хотели дом и

весь участок прибрать к рукам да разделить или построить там отель. Совсем другая жизнь у нас бы тут началась.

Ричард пожелал Джону и Линде спокойной ночи и ушел в свою комнату. Да, знай он о таком богатстве, не заговорил бы тогда со Сьюзен. Богатых он не любил. Богатство, доставшееся в наследство, вызывало у него презрение, богатство приобретенное он считал нагрabленным. Его родители никогда не могли заработать столько, чтобы обеспечить детей всем, что они хотели бы им дать. Того, что сам он получал в Нью-Йоркском филармоническом, в обрез хватало на жизнь в дорогом мегаполисе. Богатых друзей у него не было и никогда не бывало.

Он злился, как будто Сьюзен его одурачила, хитростью втянула в не пойми какую историю и он теперь увяз! Увяз, в самом деле? Ничего подобного. Не обязательно же завтра утром идти к ней. Или ладно, можно пойти, но сказать, что больше они встречаться не будут: они слишком разные люди, жизнь у каждого своя, мир у каждого свой и ничего у них нет общего. Да, но... ведь сегодня, лишь несколько часов назад, они вместе сидели у камина, читали друг другу понравившиеся в книжке места и вместе приготовили обед, вместе поели, а после обеда вместе посмотрели фильм... им было очень хорошо... Так слишком ли они разные?

Зубы он на ночь чистил с такой яростью, что оцарапал изнутри щеку. Опустившись на кровать, прижав к щеке ладошку, он принялся себя жалеть. А ведь и в самом деле увяз он. Влюбился в Сьюзен. Лишь чуть-чуть влюбился, поправил он себя. Ну что он о ней знает, по правде-то? Если разобраться, чем она, собственно говоря, ему так понравилась? Наконец, если они живут настолько по-разному, в таких разных мирах, — что из всего этого выйдет? Да, раза три она, пожалуй, из любопытства пообедает в итальянском ресторанчике, который ему по средствам, скажет, может быть, что там очень мило. А дальше-то как быть? Позволить ей платить за них обоим? Или что прикажете делать — расплачиваться кредитными карточками? Он же залезет в долги, да-да, и очень скоро!

Спал он плохо. То и дело просыпался, часам к шести, поняв, что уже не заснет, он оделся и вышел на улицу. Все небо заволокли тяжелые темные тучи, но на востоке самый краешек небосвода тускло алел.

Восход! О, если не хочешь прозевать восход над морем, нельзя терять времени, надо бежать, шут с ними, с уличными туфлями, некогда возвращаться и надевать кроссовки. Каблуки звонко цокали по асфальту, он спугнул стаю ворон, чуть позже — парочку зайцев. Заря в восточной стороне неба разгоралась все ярче, все выше; когда-то Ричард видел нечто подобное, но на закате, а вот встречать восход ему еще никогда в жизни не доводилось. Поравнявшись с домиком Сьюзен, он постарался потише стучать каблуками.

Наконец-то берег. Солнце в сиянии золота поднималось из полыхающего моря в охваченное пламенем небо. Это длилось лишь несколько мгновений — темные тучи погасили пожар. Ричарду показалось, что разом нахлынул не только сумрак, — стало как будто холодней.

Совсем ни к чему было так стараться не шуметь, проходя мимо дома Сьюзен, — она, как и он, была уже на ногах. Она сидела под склоном дюны. Увидев его, она поднялась, пошла к нему. Она шла медленно — песок там глубокий, идти трудно. Ричард сделал несколько шагов ей навстречу, но только потому, что не хотел показаться невежей. Он бы с удовольствием стоял себе и смотрел, как она идет — спокойной, решительной походкой, держась уверенно, — она шла, то чуть наклоняя, то вскидывая голову; поднимая голову, она всякий раз смотрела прямо на него, не отводя глаз. Казалось, они, идя навстречу друг другу, вели очень важный, но молчаливый разговор, только вот не знал он — о чем. Он не мог понять, о чем спрашивают ее глаза и какой ответ находят на его лице. Он улыбнулся, но она не ответила улыбкой, она смотрела почти строго.

Когда они сошлись лицом к лицу, она взяла его за руку:

— Идем!

За руку она привела его в дом, в доме — за руку вверх, в спальню. Сняв одежду, она легла на кровать и смотрела, как он раздевался.

— Я так долго тебя ждала.

7

Вот так она и любила его. Словно долго искала и наконец нашла.

Словно она и он во всем правы и не может быть, чтобы что-то было не так.

Она взяла его за руку, повела — он покорно пошел за ней. Он не спрашивал себя: а как, я ей нравлюсь? Не спрашивал и ее: ну как тебе со мной? Отдыхая потом рядом с нею, он был уверен: он ее любит. Эта хрупкая женщина с маленькими глазами и тяжелым подбородком, с чересчур тонкой кожей и скорее мальчишеской фигуркой — кстати, мальчишеского в ней было больше, чем у женщин, с которыми он раньше был близок, — эта женщина обладала уверенностью, какой он никак не ожидал найти в ней, неизбалованной родительской любовью девочке, перешедшей от них к сухой и черствой тетке. Женщина, у которой было, по-видимому, денег больше, чем нужно нормальному человеку. Женщина, которая угадала в нем что-то такое, о чем он сам даже не подозревал, а значит, одарила его неведомым богатством.

А он впервые любил так, словно на свете не было и нет никаких представлений о том, какой должна быть любовь. Словно они люди девятнадцатого века и ни телевидение, ни кино со своими картинками не поучает их, как полагается целоваться и как вздыхать, не показывает им правильного выражения страсти на лицах и в содроганиях тел. Они были мужчина и женщина, которые сами, без чужих подсказок, учились целоваться и ласкать друг друга. Сьюзен не закрывала глаз, кажется, ни на минуту. Когда бы он ни посмотрел на нее, он встречал ее взгляд. И этот взгляд, самозабвенный и доверчивый, наполнял его сердце любовью.

Она оперлась на локоть и засмеялась:

— Как хорошо, что я улыбнулась тебе тогда, в ресторане. Ты ведь не знал, как быть. А я сперва думала, что ты сразу ко мне подойдешь уверенно и быстро.

Он радостно улыбнулся в ответ. Им не пришло в голову увидеть тревожный знак в том, что при первой встрече не все у них пошло гладко. Они оба решили: ну не получилось что-то — чепуха, посмеяться над этим, да и забыть.

Они оставались в постели до самого вечера. А вечером вывели из гаража машину Сьюзен — выдавший виды, однако содержавшийся в полном порядке «БМВ» — и на ночь глядя, под проливным дождем поехали за продуктами. В супермаркете все было залито ярким,

слепящим светом, пахло химическими моющими средствами, дребезжала и тренькала техническая музыка, редкие в этот поздний час покупатели устало катили нагруженные тележки по проходам между прилавками и полками с товарами.

— Лучше бы мы в постели остались! — шепнула Сьюзен, и он обрадовался: значит, ей тоже не по себе от яркого света, химического запаха и назойливого музыкального фона.

Она вздохнула, засмеялась и принялась за дело — тележка вскоре наполнилась. Он тоже кое-что положил — яблоки, блинчики, вино. Расплатившись в кассе кредиткой, он подумал, что в следующем месяце впервые в жизни не сможет рассчитаться по кредиту. На сердце заскребли кошки, однако его больше встревожило то, что в столь знаменательный день он, оказывается, способен волноваться из-за каких-то ничтожных пустяков, — подумаешь, превышение кредита. А посему он купил в винном неподалеку еще три бутылки шампанского.

Сев за руль, она предложила:

— Давай отвезем ко мне твои вещи?

— Джон и Линда, наверное, уже легли спать. Не стоит их беспокоить.

Сьюзен кивнула. Машину она вела быстро и уверенно; глядя на то, как она вписывалась в повороты — а на дороге их хватало, — он заключил, что и машину, и эту дорогу она знает как свои пять пальцев.

— Ты из Лос-Анджелеса на этой машине приехала?

— Нет. Машина здесь обитает, в гараже. Кларк присматривает за домом и садом, ну и машиной тоже занимается.

— А в большом доме ты живешь, только когда к тебе приезжают гости?

— Хочешь, завтра переберемся в большой дом?

— Не знаю... Этот дом...

— Этот дом слишком огромный для меня одной. Но вместе с тобой — милое дело. Отлично! В библиотеке будем читать, в бильярдной — играть, в музыкальном салоне ты будешь упражняться на флейте, в малой гостиной я попрошу подавать нам завтрак, в большой гостиной — ужин. — Она все больше оживлялась, ее голос звучал все более решительно. — Спать будем в большой опочивальне, где когда-то спали дед с бабкой, потом родители. Или будем спать в моей комнате, в кровати, в которой я девчонкой мечтала о своем принце.

В тусклом свете от приборной панели он видел ее улыбающееся лицо. Сьюзен погрузилась в воспоминания. Впервые за все время после их встречи мысли увлекли ее куда-то совсем, совсем далеко от него. Ричард хотел спросить, о ком же из актеров или певцов она мечтала в те далекие годы, ему хотелось все знать о мужчинах в ее жизни и, главное, услышать, что все это были, так сказать, предтечи, а вот он... он — мессия. Но в ту же минуту собственная обеспокоенность насчет других мужчин показалась ему столь же мелкой, как недавнее волнение из-за превышенного кредита. Ах, как он устал! Он положил голову на плечо Сьюзен, а она свободной рукой погладила его по щеке, крепче прижала его голову к своему плечу — и он задремал.

8

О мужчинах в жизни Сьюзен он вскоре все узнал от нее самой. Узнал и то, что она хочет иметь детей, непременно двоих, а лучше бы — четверых. С мужем у нее сначала детей не получилось, а потом она разлюбила мужа и вскоре с ним развелась. Он узнал и о том, что в колледже она изучала историю искусств, но после его окончания поступила в бизнес-школу, затем некоторое время занималась реорганизацией фирмы, производившей игрушечные железные дороги. Фирма досталась ей в наследство от отца, позднее она продала ее вместе с другими фирмами, раньше тоже принадлежавшими отцу. Он узнал, что у нее квартира на Манхэттене и там сейчас идет ремонт, так как она решила переселиться из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк. И еще узнал, что ей сорок один, то есть она на два года его старше. Рассказывая о прошлом, Сьюзен неизменно сворачивала на планы их будущей совместной жизни. Она описала свою нью-йоркскую квартиру: апартаменты на двух уровнях — с седьмого этажа на восьмой ведет широкая лестница, везде большие коридоры, высокие потолки, в кухне есть подъемник. Из окон — вид на парк. В этой квартире она жила до смерти родителей, тетка увезла ее в Санта-Барбару.

— Я съезжала по перилам, каталась на роликах в холлах и коридорах и в кухонный лифт залезала, пока могла там поместиться, значит, лет до шести, а лежа в кровати, я видела, как за окном колышутся верхушки

деревьев. Ты должен посмотреть эту квартиру!

Однако показать ее она пока не могла: с Кейпа ей надо было лететь в Лос-Анджелес, чтобы подготовить там перевод фонда и свой собственный переезд в Нью-Йорк.

— Ты встретишься с моим дизайнером? В квартире можно еще все переделать как захочется.

Ее дед во время экономического кризиса очень выгодно приобрел не только громадную квартиру, но и весь дом на Пятой авеню. И тогда же он купил дом и сад на Кейпе и еще одну усадьбу в Адирондакских горах.

— Там тоже все надо привести в порядок. А ты любишь строительство? Архитектуру? Ремонты, обустройство дома? Я уже получила эскизы и чертежи, привезла сюда с собой, мы должны вместе их посмотреть.

А еще она рассказала об одной знакомой паре: эти люди много лет тщетно ждали детей и в конце концов, потеряв надежду, отправились во время отпуска в fertility farm — загородный репродуктивный центр. Она описала, какие там проводят процедуры, какую назначают диету, — муж и жена там ели, спали, занимались физкультурой строго по часам, в определенное время, и любовью занимались тоже в определенные дни и часы. Она рассказывала об этом с юмором, но в то же время немножко испуганно.

— У вас, европейцев, ничего подобного нет — знаю, я читала. Для вас в жизни все решает судьба, которую нельзя изменить.

— Это так, — сказал он. — И если судьбой нам назначено быть убийцами наших отцов и насильниками матерей, то, действительно, с этим, видно, ничего не поделаешь.

Она засмеялась:

— Ага! Значит, у вас не должно быть возражений против репродуктивных центров. Если вы не можете исправить свою судьбу, то репродуктивные центры, конечно, не сделают вашу судьбу хуже, чем она есть. — Тут Сьюзен, как бы извиняясь, пожала плечами. — С Робертом мне не удалось завести ребенка. Наверное, мое здоровье тут ни при чем и дело было как раз в Роберте, а впрочем, мы не обследовались. Но все-таки с того времени так и остался у меня этот страх.

Он кивнул. Он тоже почувствовал страх. Как минимум двое детей, а лучше бы четверо — тут было чего испугаться. Внушало страх и другое: что в репродуктивном центре ему придется, соблюдая диету и прочее, любить Сьюзен в определенные дни, по расписанию. Внушало страх громкое тиканье биологических часов, которое не прекратится, пока не появится на свет четвертый ребенок или же не выяснится, что больше детей быть не может. Внушало страх то, что страсть Сьюзен, самозабвенность ее любви предназначалась вовсе не ему.

— Ничего не надо бояться. Я просто говорю о том, что для меня самое важное. Не думай, что это мое последнее слово. Ты-то все, что говоришь, тщательно контролируешь.

— Это опять же чисто европейская черта.

Он не хотел откровенничать о своих страхах. Она права, конечно: он тщательно взвешивал каждое свое слово, она же прямо говорила о том, что думала и чувствовала. Нет, она вовсе не строила планы их совместного пребывания в репродуктивном центре. Но она стремилась планировать их совместное будущее. А он? Он, конечно, тоже хотел этого, и с каждым днем сильнее, но он-то не мог дать ей столько, сколько она готова дать ему, — нет у него ни квартиры, ни особняков, ни денег. Вот, скажем, случился бы у него роман с оркестранткой из первой группы вторых скрипок: они бы вместе нашли квартиру, а потом вместе решили бы, что из мебели перевезти от него, а что — от нее и что прикупить в «Икее» или на дешевой распродаже. Разумеется, Сьюзен не станет возражать, если одну-две комнаты он захочет обставить своими старыми вещами. Но ясно как день, что это нарушило бы общую гармонию. Можно принести туда флейту и ноты, можно играть, стоя за пюпитром, который наверняка найдется среди вещей Сьюзен.

Можно расставить свои книги на ее стеллажах и сложить бумаги в секретер ее отца и можно будет писать письма, сидя за столом в бывшем кабинете ее отца. Свою одежду он бы здесь, в приморском местечке, повесил в ее гардеробный шкаф без всяких там колебаний, но в городе... в городе он бы плоховато выглядел в своем старье рядом со Сьюзен. Впрочем, она, конечно, с удовольствием купит ему новую одежду, сообразуясь с модой.

Он много занимался, в основном «вхолостую», как он называл эти

упражнения, — сгибал и разгибал мизинец, двигал им туда-сюда. Но все чаще брался и за инструмент. Флейта словно сделалась частью его самого — раньше он ничего подобного за собой не замечал. Флейта была его собственная, очень ценная, на ней он создавал музыку, на ней зарабатывал, он мог повсюду носить ее с собой, с ней он повсюду был как у себя дома. А Сьюзен он своей игрой давал то, чего никто другой не мог ей дать. Когда он импровизировал, рождались мелодии, гармонировавшие с их настроением.

9

В большом доме ее любимой комнатой была угловая, с окнами от пола до потолка. В хорошую погоду рамы раздвигались в стороны, в плохую — окна закрывались ставнями. Даже когда лил дождь и нельзя было гулять по берегу, в угловой они чувствовали близость моря, его волн, и чаек, и проплывавших вдали кораблей. На берегу холодный дождь, случалось, сильно, резко хлестал по лицу, до боли.

В угловой стояла плетеная мебель — лежанки, кресла, столики; жесткие сиденья были покрыты мягкой обивкой и подушками.

— Жаль... — сказал он, когда она водила его по комнатам, показывая дом, и они пришли в угловую, — жаль, что на этих лежанках нам вдвоем не поместиться.

Через два дня — они завтракали в малой гостиной — к дому подъехал грузовичок, и два парня в синих комбинезонах втащили в дом широкую двуспальную лежанку. В точности как прочая мебель из плетеного гарнитура, даже цветочки на обивке такие же.

По милости погоды все дни были как один. День за днем лил дождь, изредка разражалась гроза, иногда дождь вдруг переставал на несколько часов или минут на десять, иногда пелена на небе внезапно разрывалась — и тогда ярко блестели крыши. Если погода позволяла, Сьюзен и Ричард гуляли вдоль берега; если кончались продукты, они ездили в супермаркет, а в остальное время не покидали большого дома. Перебравшись сюда из маленького домика при въезде, Сьюзен позвонила жене Кларка — ее звали Майта — и договорилась, чтобы та приходила каждый день и занималась уборкой, стиркой, готовкой.

Майта держалась так неприметно, что Ричард впервые увидел ее лишь спустя несколько дней.

Однажды они пригласили на обед Линду и Джона. Готовили Сьюзен и Ричард сами, причем оба, как оказалось, готовить вовсе не умели, а заглянуть в кулинарную книгу поленились. Но все же сварганили стейки с картошкой и салат, главное же — оба прониклись приятным сознанием, что вместе способны одолевать критические жизненные ситуации. Не считая этого раза, гостей они не приглашали и сами ни к кому не ходили.

«Успеется, еще будет время для друзей».

Когда начинало смеркаться, они обнимались и любили друг друга. Им хватало сумеречного вечернего света, а когда становилось совсем темно, они зажигали свечу. Их любовь была такой спокойной, что Ричарда порой одолевали сомнения: быть может, он приятно удивил бы Сьюзен, если бы яростно сорвал одежду с нее и с себя? Бросился на нее? Или покорился ее бушующей страсти? Но все это было не в его характере, да и она, видимо, всем была довольна. «В конце концов, мы же не дикие кошки, — думал он, — мы кошки домашние».

Так все и шло до их крупной ссоры, первой и последней. Они собирались в супермаркет, и Сьюзен оставила Ричарда дожидаться в машине, так как в доме зазвонил телефон; разговор немислимо затянулся. Ах так, значит, она бросила его, ничего не объяснив, заставила ждать, забыла о нем, да она ни в грош его не ставит! На него напала такая ярость, что он выскочил из машины, вбежал в дом и накинулся на Сьюзен, едва успевшую положить трубку:

— Вот, значит, как ты ко мне относишься?! Твои дела имеют значение, а мои — нет? Твое время драгоценно, а мое ничего не стоит?

В первую минуту она ничего не поняла:

— Я говорила с Лос-Анджелесом. Правление фонда...

— Почему ты ни слова не сказала? Почему ты меня вечно...

— Ладно, извини. Да, тебе пришлось минутку подождать. Я-то думала, европейцы относятся к женщине...

— Ах, европейцы? Надоело, слышать этого не могу! Битых полчаса сижу там, как... как...

Она тоже разозлилась:

— Полчаса? Несколько минут, а не полчаса! А надоело ждать, так